

Научная статья
УДК 347.1

ПРИНУЖДЕНИЕ В ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Владимир Вячеславович Журавлев

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя,
Москва, Россия, vz15111982@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению правовой природы и места института принуждения в системе государственного управления. Проводится анализ причин, препятствующих построению эффективных нормативных конструкций, изучаются теоретические и практические проблемы, существующие в правоприменительной деятельности органов внутренних дел при реализации отдельных мер государственного принуждения.

Ключевые слова: правообразование, правотворчество, логика права, юридическая техника, государственное принуждение, органы внутренних дел.

Для цитирования: Журавлев В. В. Принуждение в праве: проблемы теории и практики // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 3 (101). С. 25–30.

Original article

COERCION IN LAW: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Vladimir V. Zhuravlev

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot,
Moscow, Russia, vz15111982@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the legal nature and place of the institution of coercion in the system of public administration. The analysis of the reasons hindering the construction of effective regulatory structures is carried out, theoretical and practical problems existing in the law enforcement activities of internal affairs bodies in the implementation of certain measures of state coercion are studied.

Keywords: legal education, law-making, logic of law, legal technique, state coercion, internal affairs bodies.

For citation: Zhuravlev V. V. Coercion in law: problems of theory and practice // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3 (101). P. 25–30. (In Russ.)

Одной из первоочередных задач, стоящих перед любым государством и органами власти, является упорядочивание большинства сфер жизнедеятельности и порождаемых ими общественных отношений. Ее очевидность не вызывает сомнений, поскольку только установление границ дозволенного и недозволенного поведения является средством построения социума, поддержания его организованного состояния и поступательного развития. По этой причине процесс правообразования служит

необходимым элементом эволюции государства и представляет собой «анализ и оценку сложившейся правовой действительности, выработку взглядов и концепций о будущем правового регулирования, а также разработку и принятие нормативных предписаний» [1, с. 144]. Весьма интересной представляется мысль криминалиста Ч. Ломброзо, который отметил, что в основе построения правовой системы находится закон большинства: «он есть в сущности закон природы, и на этом законе зиждутся государства,

© Журавлев В. В., 2023

так как он представляет собой общую волю граждан» [2, с. 746].

Правообразование как явление имеет объективный характер, который обуславливается исторически сложившимися и существующими закономерностями развития общества и государства. Согласимся с метким утверждением В. С. Афанасьева о том, что правотворчество, в свою очередь, «напротив, имеет творческий характер, заметное влияние на него оказывает субъективный фактор – воля законодателя» [3, с. 5]. Его следует рассматривать как заключительный этап правообразования, на котором выработанные правила облачаются в материальную оболочку – законодательные нормы, представляющие собой предлагаемую государством модель реализации прав и выполнения субъективных обязанностей каждым членом общества в соответствии с совокупностью приобретенных им статусов.

Система норм, регулирующих определенную сферу общественных отношений, обретает форму права, то есть властного указания государства, обязательного для исполнения всеми членами общества под угрозой применения к нарушителям установленных предписаний, мер принуждения. Необходимость их использования довольно тонко подмечена И. А. Ильиным, который указывает, что правовое регулирование общественных отношений «предполагает принуждение, без которого нормативность размывается, рамки и границы поведения стираются. Принуждение есть реальность действия права, право переходит в состояние реальности, реально действует» [4, с. 15].

Совокупность установленных правил поведения, облеченных в форму нормативных правовых актов, определяет формирование особого режима – законности. Он представляет собой проекцию реального действия права в государстве, подчиняет своим предписанием деятельность органов власти и их должностных лиц, предприятий и организаций, граждан. Режим законности служит инструментом реализации прав, с одной стороны, и ограничителем, который обязывает должностных лиц органов вла-

сти строго и неуклонно соблюдать правовые предписания и запреты, устанавливает границы принудительного воздействия в системе мер государственного управления, с другой стороны.

Нельзя не признать, что законность как правовое явление теснейшим образом связана с реализацией мер государственного принуждения. Вопросы их применения были, есть и будут оставаться актуальными всегда [5, с. 25]. Это обуславливается тем, что сущность правовой природы принуждения определяется необходимостью воздействия на волю, ограничения свобод, которые заставляют испытывать моральные и физические страдания, нести материальные бременения и иные ограничения, оказывающие прямое влияние на процесс жизнедеятельности как отдельно взятого человека, так и целых социальных групп. В связи с этим одной из главных задач правотворчества является не только формальное определение, но и реальное достижение компромисса в принуждении. Он выражается в выработке необходимых средств для защиты интересов общества и государства, отдельных граждан от противоправных посягательств, с одной стороны, и нормативном ограничении их объема и периода действия при достижении обозначенных целей, недопустимости использования непропорционального принудительного воздействия, с другой стороны. Поддержим мнение С. А. Старостина, который справедливо отмечает, что достижение такого компромисса возможно далеко не всегда: «Государственное принуждение всегда нарушает права иных лиц, но не всегда возможен баланс частных и публичных прав и интересов, поскольку публичные интересы всегда приоритетны» [6, с. 95].

Необходимо признать, что нормотворчество представляет собой объективно динамичный и непрерывный (в отличие от большинства обычаев и традиций, сложившихся в обществе) процесс, что определяется непрекращающимся развитием социальных связей, подлежащих регулированию и защите со стороны государства. Эффективность нормотворчества, безусловно, зависит от ис-

пользуемой юридической техники, которая представляет собой систему, включающую методологическую основу, а также приемы и способы, применяемые для подготовки нормативных правовых актов. Трудно не согласиться с мнением авторов, обоснованно отмечающих, что современное государственное управление практически немыслимо вне нормативного регулирования, определяющего правовые начала в жизнедеятельности каждого человека и общества в целом [7, с. 12].

Отметим, что вместе с развитием общественных отношений неизбежно увеличивается и число нормативных актов, расширяются границы правового регулирования. Все это довольно часто приводит к возникновению правовых дефектов, находящих свое выражение в необоснованном дублировании и конкуренции норм, возникновении коллизий и пробелов правового регулирования [8, с. 12]. Отмеченное обстоятельство, в свою очередь, может явиться причиной для перерастания правового порядка в правовой хаос, то есть способствовать возникновению состояния неопределенности выбора модели поведения субъектом общественных отношений, что не допустимо при реализации мер принудительного характера.

Преодоление названной проблемы возможно путем использования необходимых средств юридической техники, находящихся в тесной взаимосвязи с законами логики права.

Логика как одно из направлений научного познания, зародившегося в древней Греции, первоначально являлась составной частью «матери» всех наук – философии. В основе логики и в настоящее время находится человеческое мышление, его способность моделировать и выстраивать конструкции, обладающие внутренней закономерностью и обеспечивающие правильный, разумный ход рассуждений. Таким образом, логика представляет собой «корректное» мышление, базирующиеся на рассуждениях, кото-

рые используют доказательства истинности и опровержения ложности утверждений. Это, в свою очередь, позволяет выстраивать систему логических цепочек, обладающих внутренним единством и взаимосвязью, призванных минимизировать возникновение конфликтов правовых предписаний, выработать понятный и последовательный механизм их применения. Таким образом, логика права должна быть тождественна правовому порядку, то есть такому положению вещей, при котором множество элементов единой системы (правовых предписаний) находятся в состоянии баланса, органичной общности и не противоречивости, что обеспечивает прозрачность и простоту реализации норм, в первую очередь являющихся проекцией государственной власти и носящих характер принуждения.

Вполне логичным видится утверждение о том, что эффективность правовых предписаний определяется корректностью поставленных целей, необходимость достижения которых требует нормативного регулирования [9, с. 12]. Только в этом случае функции права (в первую очередь регулятивная и охранительная), представляющие собой основные направления правового воздействия со стороны государства на общественные отношения, позволят обеспечить в жизни социума нормативные начала, сделают процесс их регулирования последовательным и продуктивным.

Возможно ли построение идеальной модели законодательства, регулирующего принуждение в праве, сегодня? По нашему мнению, это весьма непросто, и тому есть достаточно много причин, носящих как объективный, так и субъективный характер.

Во-первых, следует признать, что нет ничего более изменчивого, чем право. Количество вновь принимаемых ежегодно законов и внесение поправок в существующие исчисляются сотнями¹, а в системе нормативных правовых актов, носящих подзаконный характер, – тысячами. С одной

¹ Приняли 143, оставили 1095. Как поработала Госдума в осеннюю сессию // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5152065> (дата обращения: 10.12.2022).

стороны, данное обстоятельство является объективной реальностью, вызванной изменчивостью социальных связей, попыткой достижения баланса в экономике, складывающейся внутренней и внешней политической конъюнктурой. С другой стороны, объем правоустановлений далеко не всегда определяет их логичность, обоснованность и внутреннее единство создаваемых правовых систем и, как следствие, их качество и эффективность для практической реализации.

Во-вторых, процесс нормотворчества зачастую носит разрозненный и противоречивый характер. Поправки, принимаемые в законы, и изменения, вносимые в подзаконные акты, в отдельных случаях не представляют собой пример системного подхода, оставляют без внимания возникающие межотраслевые связи. Это, в свою очередь, приводит к тому, что отдельно взятый элемент системы принудительных мер, подвергнутый непродуманной трансформации, разрушает уже существующую логически выстроенную и гармоничную систему правовых предписаний, порождает коллизии, пробелы и неурегулированности. Кроме того, не редки случаи, когда субъекты правотворчества при подготовке и принятии нормативного акта, рассчитанного на применение должностными лицами других министерств и ведомств, не используют практику их совместной разработки и учета мнений профильных специалистов. Это приводит к тому, что отдельные нормы таких правоустанавливающих документов, обретая статус обязательного для исполне-

ния предписания, одновременно утрачивают требуемую правовую логику, создают затруднения при их реализации в практической деятельности¹. Примечательным в связи с этим видится мнение И. А. Ильина, который, рассуждая о методологии правообразования, отмечает, что ни одна из множества предлагаемых дефиниций понятия не может и не должна претендовать на исключительность, лишь сообщая они могут притязать на исчерпывающее постижение его сущности [10, с. 852].

В-третьих, решение рассматриваемых вопросов зачастую осложняется пересечением сфер ответственности и компетенций уполномоченных органов государственной власти или их должностных лиц, что создает проблемы определения субъекта правотворчества и затягивания сроков принятия необходимого для урегулирования общественных отношений нормативного акта. Данное обстоятельство приводит к тому, что лежащие на поверхности логические связи, объективно необходимые в практической деятельности, не получают своевременного законодательного закрепления. Это, в свою очередь, служит причиной для необоснованно частого использования «домысливания» права, в основе которого находятся только внутреннее убеждение и отношение правоприменителя к существующей законодательной неурегулированности отдельных средств государственного принуждения, а не пути и средства ее нормативного разрешения. Таким образом, отмеченная проблематика объективно указывает на наличие большого числа нормативных правовых ак-

¹ Например, в соответствии с п.п. 3 п. 5 Приказ Минздрава России от 18 декабря 2015 г. № 933н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)» в качестве правового основания медицинского освидетельствования лица, результат которого необходим для подтверждения либо опровержения факта совершения преступления или административного правонарушения, для расследования по уголовному делу, для объективного рассмотрения дела об административном правонарушении служит направление должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях. В соответствии со статьей 27.12.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях единственным процессуальным документом, дающим право направления лица на медицинское освидетельствование, служит протокол. Использование же иных внепроцессуальных документов, не предусмотренных КоАП РФ, является недопустимым.

тов, анализ которых позволяет констатировать: логично, но незаконно¹.

В-четвертых, любая правоустановительная деятельность представляет собой результат компромисса. Легализация правовых предписаний является процессом, требующим прохождения ряда согласовательных процедур: правовой и антикоррупционной экспертизы, регистрации в Министерстве юстиции, принятие Государственной Думой и одобрение Советом Федерации, которые вытекают из закрепленной в Конституции Российской Федерации системы сдержек и противовесов. В связи с этим нормы могут не только подвергаться коррекции, но и отклоняться как результат соблюдения баланса интересов субъектов правотворческой деятельности.

В-пятых, процесс правообразования и систематизации мер принуждения объективно подчиняется субъективной законодательной воле сил, обладающих влиянием на отдельных этапах развития государства. По этой причине должностные лица, наделенные властью правотворчества в отдельных случаях не подстраиваются под свод существующего права, а изменяют его в угоду интересам объективно существующей политической и экономической конъюнктуры. В связи с этим уместным видится суждение Ч. Ломброзо о том, что «и современные государственные люди, за некоторыми счастливыми исключениями, несвободны от порока, свойственного их предшественникам»

[2, с. 778]. Весьма ярким подтверждением тому является генезис служебного законодательства, регламентирующего деятельность органов внутренних дел России в XX веке.

Вместе с тем наличие объективно существующих факторов, оказывающих негативное влияние на процесс правотворчества и построения эффективной системы государственного управления, не означает утрату необходимости в формировании норм, отвечающих требованиям логичности и формальной определенности, выработанных на основе средств юридической техники.

Подводя итог рассмотрению существующих проблем реализации института принуждения в праве, подчеркнем важность сохранения и дальнейшего совершенствования в российском законодательстве системы взаимосвязанных элементов правотворчества: юридической техники – логики права – законности. Конечной целью их реализации, как справедливо отмечают А. Н. Фролов и Р. Н. Самойлюк, должны стать построение теоретических конструкций и их адаптация для практической деятельности, выявление и своевременное устранение существующих правовых недостатков [11, с. 143]. Именно решение отмеченных вопросов позволит установить прочную связь между правоустановительным и правоприменительным уровнями, будет способствовать логическому построению нормативных правовых актов и повышению эффективности их реализации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. Юристъ, 2004. 245 с.

¹ Например, в соответствии с примечанием к статье 12.8 КоАП РФ употребление веществ, вызывающих алкогольное или наркотическое опьянение, либо психотропных или иных вызывающих опьянение веществ запрещается. Административная ответственность, предусмотренная статьей 12.8 и частью 3 статьи 12.27 настоящего Кодекса, наступает в случае установленного факта употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ, который определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, а именно 0,16 миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха, или наличием абсолютного этилового спирта в концентрации 0,3 и более грамма на один литр крови, либо в случае наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека. Несмотря на внесение в 2018 году указанных поправок, позволяющих диагностировать состояние опьянения на основе исследования биологических объектов крови, правовой механизм его реализации до настоящего времени отсутствует.

2. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. Анархисты. Политическая преступность. М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. 832 с.
3. Афанасьев В. С. Правообразование и правотворчество // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 1 (4). С. 4–13.
4. Ильин И. А. Понятие права и силы (опыт методологического анализа) // Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга, 1994. Т. 4. 617 с.
5. Тумин А. Ю. Московская общая полиция в XVIII–XIX вв.: организация и правовое регулирование деятельности: монография. Москва: РУСАЙНС, 2022. 210 с.
6. Старостин С. А. Административное принуждение: проблемы теории, законодательства, практики // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 39. С. 93–108.
7. Нормотворческая юридическая техника / под ред. Н. А. Власенко. М.: Юстицинформ, 2011. 312 с.
8. Малахов С. А. Взаимосвязь норм законодательства об административных правонарушениях: дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2022. 231 с.
9. Потемкина О. С. Коммуникативная функция права (общетеоретическое исследование): дис. ... канд. юрид. наук: Саратов, 2022. 196 с.
10. Ильин И. А. Путь к очевидности: Сочинения. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс. 1999. 912 с.
11. Фролов А. Н., Самойлюк Р. Н. Актуальные вопросы административного принуждения в механизме обеспечения национальной безопасности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 2 (92). С. 142–148.

REFERENCES

1. Matuzov N. I., Malko A. V. Theory of state and law: textbook. Yurist, 2004. 245 p. (In Russ.)
2. Lombroso Ch. Genius and insanity. Anarchists. Political crime. M.: Eksmo Publishing House; St. Petersburg: Terra Fantastica, 2003. 832 p. (In Russ.)
3. Afanasyev V. S. Legal education and law-making // Legal science and law enforcement practice. 2008. No. 1 (4). P. 4–13. (In Russ.)
4. Ilyin I. A. The concept of law and force (experience of methodological analysis) // Collected works: in 10 volumes. M.: Russian book, 1994. T. 4. 617 p. (In Russ.)
5. Tumin A. Yu. Moscow general police in the 18th–19th centuries: organization and legal regulation of activities: monograph. Moscow: RUSAINS, 2022. 210 p. (In Russ.)
6. Starostin S. A. Administrative coercion: problems of theory, legislation, practice // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2021. No. 39. P. 93–108. (In Russ.)
7. Rule-making legal technology / ed. N. A. Vlasenko. M.: Justitsinform, 2011. 312 p. (In Russ.)
8. Malakhov S. A. Interrelation of norms of legislation on administrative offenses: dis. ...cand. Law. Moscow, 2022. 231 p. (In Russ.)
9. Potemkina O. S. Communicative function of law (general theoretical research): dis. ...cand. Law. Saratov, 2022. 196 p. (In Russ.)
10. Ilyin I. A. The path to evidence: Works. M.: ZAO Publishing House EKSMO-Press. 1999. 912 p. (In Russ.)
11. Frolov A. N., Samoylyuk R. N. Current issues of administrative coercion in the mechanism of ensuring national security // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2 (92). P. 142–148. (In Russ.)

Информация об авторе:

В. В. Журавлев, кандидат юридических наук.

Information about the author:

V. V. Zhuravlev, Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 15.09.2023.

The article was submitted 15.12.2022; approved after reviewing 30.05.2023; accepted for publication 15.09.2023.